

Спокойно сдать гаокао, поступить в Хуацзин, остаться в университете, набраться опыта, создать свою лабораторию и начать выпускать оригинальные препараты, используя знания из прошлой жизни? Это был самый безопасный путь, но и самый медленный.

Даже патриотичный Ли Чжэн вынужден был признать, что в научных кругах Хуаго слишком сильна иерархия. В прошлой жизни, если бы он не вернулся в страну с именем лаборатории Колд-Спринг-Харбор, он никогда бы не смог получить свою лабораторию. Если ждать до сорока или пятидесяти лет, то в чём был смысл его перерождения?

Что касается другого пути... Ли Чжэн слегка поднял голову и посмотрел на запад. Там, за морем, находился Сянцзян.

Восьмидесятые годы были временем расцвета Сянцзяна.

80-е и 90-е годы были пиком его славы.

В то время ВВП Сянцзяна составлял 20% от всего ВВП материкового Китая.

В те годы будущие азиатские миллиардеры только начинали свой путь, а такие семьи, как Бао и Хо, которые позже станут легендами, были в самом расцвете сил.

Самое главное, что такие мировые фармацевтические гиганты, как Новартис, Пфайзер, Рош, Санофи, Мерсадон и ГлаксоСмитКляйн, имели свои представительства в Сянцзяне. По сравнению с материковым Китаем, где письмо могло идти месяц или два, Сянцзян был гораздо удобнее.

Однако в 1982 году Сянцзян всё ещё находился под контролем Британской империи, и несовершеннолетний без опекуна почти не имел шансов получить разрешение на въезд. Даже если бы он добрался туда, всё пришлось бы начинать с нуля, что было не так просто.

— Зачем тебе, ребёнку, думать о таких вещах? Тебе нужно просто хорошо учиться. Поступишь в университет, и всё будет хорошо! — Чжоу Сытянь ткнула брата в лоб, затем похлопала по заднему сиденью. — Садись, сейчас никого нет, никто не будет смеяться.

Ли Чжэн смутился. Оказывается, она думала, что он не садится на велосипед из-за страха перед насмешками одноклассников. Он просто не мог преодолеть своё чувство стыда!

Покорно сев на велосипед, он подумал, что до городка Дунлю было около пяти километров, и идти пешком было бы слишком долго.

Пройдя через переулочек, они увидели у дома человека, стоящего с опущенной головой и с сигаретой во рту.

Ли Чжэн сошёл с велосипеда, оглядев местность. Вокруг мужчины валялись семь или восемь окурков, видимо, он ждал уже давно.

— Дядя Чжан? — неуверенно произнесла Чжоу Сытянь.

Чжан Бинкунь резко поднял голову, увидев Ли Чжэна и Чжоу Сытянь, бросил сигарету на землю и затушил её.

— Милашка Тянь, Сяочжэн... — он открыл рот, но не знал, что сказать. Его глаза были красными, с множеством кровяных прожилок, а борода небрита уже несколько дней.

— Дядя Чжан, заходите в дом, — сказала Чжоу Сытянь, открывая дверь.

— Нет... не нужно. — Чжан Бинкунь покачал головой. — Я пришёл повидаться с Ли. Проводите меня к нему. — В его голосе слышалась печаль.

Ли Чжэн опустил голову, как страус. Он меньше всего хотел встречаться с людьми, знавшими его в прошлом, особенно с такими, как Чжан Бинкунь, которых было трудно обмануть. Но Чжоу Сытянь, похоже, не поняла его сигналов.

— Сяочжэн, проводи дядю Чжана, а я приготовлю ужин, — сказала она, не дожидаясь возражений, и вошла в дом.

Ли Чжэн...

Ли Чжэн, собравшись с духом, поднял голову и вежливо улыбнулся.

— Дядя Чжан, пойдёмте.

Чжан Бинкунь кивнул, и они молча направились к кладбищу городка Цинхэ.

Так как похороны отца Ли прошли недавно, на могиле ещё лежали цветы и стоял стакан с вином, но цветы уже завяли, а вино испарилось.

Увидев надгробие, Чжан Бинкунь, не дожидаясь слов Ли Чжэна, тяжело упал на колени, ударившись о каменную плиту.

— Ли, я виноват перед тобой...

Оказалось, что Чжан Бинкунь был тесно связан с отцом Ли. Чжан Бинкунь занимался контрабандой, ходил по маршруту Шэньши — Чжухай — Сянцзян. Несколько лет назад, во время репрессий, он был замечен морской полицией, бросил судно и прыгнул в море. Его спас отец Ли. Чтобы помочь ему, отец Ли использовал материалы производственной бригады, хотя это были всего лишь два рулона марли, но Ян Шэн использовал это против него, и отец Ли был вынужден уйти с поста капитана производственной бригады.

— Я не знал, я действительно не знал, что твоя жена тоже была на судне. Если бы знал, ни за что бы не отправился в тот рейс.

Ирония заключалась в том, что отец Ли спас Чжан Бинкуня, а мать Ли уехала в Сянцзян на его судне.

Узнав об этом, Чжан Бинкунь больше не переступал порог дома Ли, пока не услышал о смерти отца Ли.

— Дядя Чжан, примите мои соболезнования. — Из слов Чжоу Сытянь было ясно, что мать Ли никогда не была домоседкой, у неё и отца Ли не было ничего общего, и её уход был лишь вопросом времени.

После посещения могилы Чжан Бинкунь не пошёл в дом Ли, а дал Ли Чжэну большую сумму денег. Ли Чжэн насчитал три-четыре тысячи юаней, что даже в Сянцзяне составляло полгода зарплаты для многих.

Ли Чжэн горько усмехнулся. Теперь у него был и маршрут, и деньги. Неужели это был знак свыше? Отбросив эту абсурдную мысль, он вспомнил, что Чжоу Сытянь уже на третьем курсе

старшей школы, и её успехи были отличными. Он не мог быть таким эгоистом.

Тем не менее, мысль о Сянцзяне уже укоренилась в его сердце, и она ждала подходящего момента, чтобы прорасти.

В этот день, выходной, Ли Чжэн, просидев всю ночь, написал статью о «катализаторе для производства препарата даннодин». Даннодин был популярным лекарством для контроля давления, и только в Европе и Северной Америке его годовые продажи составляли около 5 миллиардов долларов, при этом спрос превышал предложение.

Основным ограничением было низкое производство, так как основной компонент даннодина извлекался из печени животных, и из десятков килограммов печени получалось лишь несколько грамм вещества, что делало процесс крайне неэффективным.

Катализатор, предложенный Ли Чжэном, мог повысить эффективность извлечения вещества на 30-50%, что при тех же условиях производства увеличило бы выпуск даннодина на 30-50%, а это означало дополнительные 2 миллиарда долларов продаж. Это было достаточно, чтобы привести в восторг любого фармацевтического гиганта.

Закончив, Ли Чжэн аккуратно сложил листы, вложил их в конверт и положил под подушку. Это был его начальный капитал.

Однако его сон был прерван звуком голоса Ли Чаояна за дверью, а затем он почувствовал, как холодные руки проникли под одеяло.

Ли Чжэн резко открыл глаза.

— Привет, Ли Чжэн, доброе утро, — с невинной улыбкой сказал Ли Чаоян.

Доброе... доброе утро! Даже у подопытных кроликов есть чувство собственного достоинства!

Поднявшись, почистив зубы и умывшись, Ли Чжэн был в плохом настроении, но Ли Чаоян, казалось, ничего не замечал, продолжая болтать о каком-то высокопоставленном чиновнике, вернувшемся в город.

Высокопоставленный чиновник? Какое ему дело до этого? В прошлой жизни, когда он отказался от работы в лаборатории Колд-Спринг-Харбор и вернулся в страну, его даже лично принимал премьер Госсовета, называя его «опорой нации»!

Когда их привели в зал, он уже был полон людей. Жители городка вытягивали шеи, пытались что-то разглядеть, многие женщины держали на руках младенцев, чей плач заполнял зал.

— Зачем в такой обстановке брать детей? — с недовольством сказал Ли Чжэн. В толпе было много бактерий, что было опасно для младенцев с ещё неокрепшим иммунитетом.

— Они хотят прикоснуться к удаче Се Вэньцзе. Он был лучшим среди первых выпускников нашего городка, поступивших в университет, а сейчас работает в Министерстве здравоохранения в Хуацзине. Говорят, он приехал сюда с высокопоставленным чиновником обсудить какой-то проект. Если всё получится, наш городок станет таким же процветающим, как Хуаин! — с энтузиазмом объяснил Ли Чаоян.

Министерство здравоохранения? Проект? В голове Ли Чжэна мелькнула мысль. Он посмотрел в сторону, задумавшись. Скоро он узнает, прав ли он.

<http://bllate.org/book/17704/1653417>